

Марина Юрьевна Сидорова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Россия

sidorovadoma@mail.ru

Коммуникативная грамматика русского языка и мировая экспериментальная когнитивистика: потенциал взаимодействия

Коммуникативная грамматика русского языка была создана Г.А. Золотовой в основном на материале художественных текстов. Сегодня стоит задача проверки и развития ее положений на высказываниях, описывающих реальную, а не фикциональную денотативную ситуацию. В статье рассматривается возможность применения для этого методов экспериментальной когнитивистики. С другой стороны, учет в коммуникативной грамматике фигуры говорящего как организующего центра высказывания, использование понятий тактики и стратегии говорящего открывают пути для более глубокого осмысления результатов экспериментов, которые исходно проводились в интересах когнитивистики.

Ключевые слова: русский язык, коммуникативная грамматика, репродуктивный регистр, лингвистический эксперимент, фигура говорящего

В основе коммуникативной грамматики русского языка, созданной Г.А. Золотовой, лежит представление о неразрывной связи устройства языка, его функционирования в качестве инструмента общения и мышления, окружающей действительности. Так, формулируя предпосылки функционально-коммуникативной классификации предложений, Г.А. Золотова указывает: «Структура предложения формируется взаимодействием двух планов, в одном из которых получает отражение связь предложения с объективным миром, в другом - связь его с процессом мышления»¹. В то же время ««поскольку мы изучаем не логическую структуру мысли-суждения, а языковую структуру мысли-предложения, для нас особенно важны конкретные языковые формы и значения субъектов и предикатов в разных моделях предложения... Репертуар типовых значений предложения отражает категориальную работу сознания над окружающим миром, а способы их выражения проявляют потенции русского языка»². Эти и многие другие положения коммуникативной грамматики органично смыкаются с теорией *thinking for speaking*, предложенной в американской лингвистике Д. Слобиным, и с целым рядом современных западных исследований, выполненных в русле когнитивистики и психолингвистики с целью изучения взаимосвязи между языковыми структурами и видением и пониманием человеком мира. В 2015 году в новом издании «Коммуникативной грамматики» нашло более развернутое выражение наше понимание того, что система коммуникативных регистров и принципы текстового взаимодействия между регистрами – результат

постоянного взаимодействия между перцептивным и ментальным (в широком смысле) модусом, между восприятием окружающей действительности и его осмыслением, интерпретацией, оценкой, причем это восприятие и осмысление осуществляются под воздействием номинативных и грамматических ресурсов конкретного языка. Любое восприятие – реальное или моделируемое в фикциональной действительности – основывается на предшествующем опыте субъекта, в том числе вербальном, а оязыковление наблюдаемой ситуации сопровождается акцентированием, игнорированием или добавлением смыслов (компонентов ситуации и их характеристик) через сознательный или неосознанный выбор говорящим языковых средств из арсенала того языка, на котором он мыслит и общается в данный момент. Членение ситуации, или «положения дел», описываемого предложением, на субъект, предикат, предметные и признаковые распространители, пространственно-временная локализация этой ситуации, включая аспектуальную, выбор уровня абстракции, точки зрения, уровня детализации, импликатур, соотношений «фигура – фон», «часть – целое» и др. осуществляются не в независимом от вербализации этой ситуации акте, а в акте так называемого “thinking for speaking”³.

Данная проблематика разрабатывалась в отечественной коммуникативной грамматике на ином материале, чем в западной лингвистике. Коммуникативно-грамматическая концепция была построена Г.А. Золотовой и развивается ее учениками в основном на базе художественных текстов, в то время как гипотеза thinking for speaking проверяется преимущественно экспериментальными методами. С одной стороны, это подтверждает справедливость полученных выводов: ведь исследователи разными путями пришли к одному результату. С другой – возникает необходимость в экспериментальной апробации коммуникативно-грамматической теории.

Одно из возможных полей такой апробации – эксперименты по именованию (описанию) на русском языке визуальных объектов – статических и динамических – для изучения репродуктивного регистра речи. В докладе мы кратко остановимся и на том, что такие эксперименты могут дать коммуникативной грамматике, и на том, каким образом коммуникативно-грамматический подход может усовершенствовать и теоретически углубить постановку подобных экспериментов, обработку и осмысление результатов.

Прежде чем перейти непосредственно к примерам такого взаимодействия, следует обозначить еще одно кардинальное различие между коммуникативно-грамматическим и когнитивно-экспериментальным подходом: в коммуникативной

грамматике важнейшим предметом и организующим центром лингвистического анализа служит позиция автора текста как целеполагающего субъекта, выбирающего и сочетающего языковые средства в соответствии со своей коммуникативной интенцией и языковой квалификацией. В экспериментах на picture naming или object/scene description об интенции говорящего речи не идет – участники эксперимента, называющие картинку или описывающие объект, рассматриваются как «представители языка», медиаторы его возможностей, «экземпляры одного словаря» (по формулировке Ф. де Соссюра), а не как субъекты сознательной или интуитивной «селекции и комбинации» языковых средств.

Рамки доклада позволяют рассмотреть по одному примеру потенциального взаимовыгодного сотрудничества между коммуникативной грамматикой и экспериментальной когнитивистикой.

1. От экспериментов по именованию (описанию) визуальных объектов к коммуникативной грамматике

Поскольку коммуникативную грамматику интересуют прежде всего предикативные единицы, речь пойдет об экспериментах, требующих порождения отдельного предложения или небольшого текста. Эксперименты и тесты, в которых требуется одним словом называть предмет (или действие), изображенный на картинке (цветной или черно-белой, цельной и ненарушенной или фрагментированной либо каким-то образом искаженной, «испорченной»), остаются за пределами рассмотрения.

Ближе к коммуникативно-грамматической проблематике эксперименты и тесты, в которых участникам предлагается описать одним предложением наблюдаемую ситуацию (картинку) или выбрать из предлагаемых более точное описание ситуации. Например, эксперименты Bosse & Papafragou по изучению влияния языкового представления взаимной локализации объектов на запоминание изображения носителями немецкого и английского языков⁴.

Известно, что английский и немецкий языки используют разные стратегии для кодирования статических пространственных сцен, включающих осевое расположение (*стоять vs лежать*) неодушевленного объекта-фигуры по отношению к объекту-фону. Материалом эксперимента служили картинки с изображением двух предметов, для описания взаимного расположения которых в немецком языке так же, как и в русском, строятся грамматические конструкции типа *Книга **лежит/стоит** на стуле*, *Das Buch **liegt/steht*** (для обозначения осевой ориентации предмета используется глагол *лежать/стоять, liegen/stehen*), тогда как английский осевую ориентацию предпочитает

не специфицировать, ограничиваясь асемантической связкой *to be: The book is on the chair*. В эксперименте проверяли не грамматическую гипотезу, а когнитивные гипотезы о влиянии межъязыковых различий на запоминание пространственных сцен и о роли эксплицитных «языковых этикеток», используемых при запоминании, в узнавании этих сцен: «Серия из трех экспериментов показала, что это лингвистическое различие не отражается в способности носителей этих языков замечать изменение осевой позиции при выполнении заданий на неязыковую память. Даже когда участников эксперимента просили вербализовать пространственную сцену, они не опирались на языковое представление при выполнении задания на узнавание сцены по памяти»⁵. Тем не менее, при выполнении эксперимента были получены и собственно грамматические данные. В частности в задании, где носители немецкого и английского языков должны были самостоятельно описать картинку в одном законченном предложении, немецкоязычные участники эксперимента использовали глаголы *лежать/стоять* в 90% случаев, а англоязычные – только в 32.3%. В задании, где они должны были заполнить пропуски в предложении, описывающем картинку (например, англоязычные участники эксперимента после демонстрации фотографии книги на стуле видели на экране: “The book ____ on the ____.”), носители немецкого языка использовали глагол *стоять/лежать* для 73.3% тестовых картинок, а носители английского – только для 2.8%.

О чем говорят эти результаты? О том, что предложения *Книга на стуле* и *Книга лежит/стоит на стуле*, оба принадлежащие репродуктивному регистру, не просто порождаются говорящими на английском и немецком языке с разной частотой. Вероятность порождения предложения с глаголом типа *лежит/стоит* зависит от коммуникативных условий, в которых продуцируется высказывание.

Интересно было бы выяснить, зависит ли от коммуникативной ситуации, в которой продуцируется высказывание, использование локативных конструкций без глагола, с глаголом типа *лежит/стоит*, с авторизационным глаголом типа *виднеется* или *чернеет* в русском языке. Поскольку русский язык – язык со свободным порядком слов и возможностью выполнения функции субъекта косвенным падежом, было бы полезно изучить и соотносительную вероятность появления в репродуктивном тексте – описании непосредственно наблюдаемой или вспоминаемой картинке, продуцируемом в разных коммуникативных ситуациях, - номинативной модели с прилагательным-определением *Белые стены* и двусоставной модели *Стены белые*, конструкций *На столе цветы* и *Цветы на столе* и т.п. Из коммуникативной грамматики мы знаем, что

это конструкции репродуктивного регистра, которые используются для изображения наблюдаемых или как бы наблюдаемых объектов и событий в актуальном хронотопе, в перцептивном модусе, с позиции (реального или вымышленного) соприсутствия говорящего и которые противопоставлены конструкциям информативного регистра типа *Оперение этих птиц отличается белизной* или *Столы в праздник украшаются цветами*. На очередном этапе необходимо дифференцировать указанные (и другие) конструкции репродуктивного регистра по типам коммуникативных ситуаций, которые ими обслуживаются.

Если денотативную ситуацию понимать как ситуацию, о которой сообщают предикативная единица или текстовый фрагмент репродуктивного регистра, а коммуникативную ситуацию – в классическом яacobсоновском смысле, то возможны разные типы «расположения» отправителя и получателя репродуктивного текста относительно этих ситуаций.

Тип 1. Денотативная ситуация, отправитель и получатель текста находятся в общем хронотопе «внутри» коммуникативной ситуации. Просто говоря, отправитель и получатель текста видят в данный момент один и тот же фрагмент реального мира и отправитель сообщения кодирует какую-то часть этого фрагмента в репродуктивном тексте, например: *Смотри-смотри, бегемот. Вот он вынырнул!* (папа ребенку в зоопарке, указывая на бегемота); *Помидоры вон все заваливаются. И жухлые они какие-то* (дашница показывает соседке теплицу).

Тип 2. Отправитель текста находится вне денотативной ситуации, получатель – в ней. Типичный разговор между мужем, отправившимся в пункт получения Интернет-заказов, и женой – на другом конце провода: *Я на месте. Где у них вход? // Дом 8. Должен быть в торце здания под вывеской. // Как он выглядит, дом 8? Понятия не имею. Ты где стоишь? // Вышел из метро и стою. Здесь такая большая реклама с цирком «Аквамарин». И пятиэтажка. Дом 8. Эта самая? // Наверное. Иди за угол – там будет такая черная дверь.*

Тип 3. Отправитель текста находится в денотативной ситуации, получатель – вне ее. Типичные примеры известны всем из шпионских фильмов (разговор по радиации диверсанта или десантника, прибывшего в установленный пункт, с командованием: *Мы на месте. Все тихо*) и из рекламы дешевого роуминга сотовых сетей, когда владелец выгодного тарифа с упоением описывает в трубку красоты, расстилающиеся перед ним. В настоящее время такое соотношение денотативной и коммуникативной ситуации

становится все более распространенным как результат популярности фейсбука и твиттера.

Тип 4. И отправитель, и получатель текста – вне денотативной ситуации. Например, описание какого-то места или события по памяти.

Понятно, что от типа 1 к типу 4 уменьшается возможность для говорящего и слушающего соотносить показания своих органов чувств с их вербализацией, верифицировать эмпирически информацию, передаваемую в тексте. В обратной пропорции растет роль языковых средств в моделировании денотативной ситуации, а также роль разных типов когнитивных и языковых «ожиданий» адресата в ее декодировании. Изменяются и языковые средства (например, как только один из коммуникантов оказывается вне денотативной ситуации, возникает запрет на использование *вот* и *вон*, при этом *здесь* и *там* остаются разрешенными пространственными маркерами).

Результаты наших предварительных экспериментов, проведенных в МГУ имени М.В. Ломоносова, показывают, что для более полной дифференциации коммуникативных ситуаций, влияющей на выбор языковых средств и конструкций репродуктивного регистра, следует добавить к пространственному (расположение адресанта и адресата относительно друг друга и денотативной ситуации) следующие субъектные и темпоральные факторы: 1) Создается ли текст говорящим синхронно с наблюдением или говорящий передает слушающему заранее подготовленный текст? 2) Насколько описываемое знакомо говорящему? 3) Строит ли говорящий сообщение, реализуя собственную интенцию, которая заключается непосредственно в описании того, что говорящий видит, либо в чем-то другом, или выполняет поставленное задание? (Этот фактор работал в рассмотренном эксперименте.)

Кроме того, играет роль специфика денотативной ситуации (остановиться на ней не позволяют рамки статьи).

Таким образом, с помощью лингвистических экспериментов по описанию визуальных объектов/сцен можно исследовать востребованность тех или иных конструкций репродуктивного регистра при описании реальной (а не фикциональной, как в художественных текстах) денотативной ситуации в разных коммуникативных ситуациях.

Полезны для коммуникативной грамматики русского языка были бы и эксперименты по изучению продуцирования и восприятия предложений/текстов репродуктивного регистра, описывающих движение⁶, случайные события⁷ и т.п. В то

же время коммуникативная грамматика способна предложить несколько иной угол зрения на материал, процедуру, задачи и результаты подобных экспериментов, с учетом позиции автора высказывания, о чем говорилось выше.

2. От коммуникативной грамматики – к экспериментам по именованию (описанию) визуальных объектов.

Одним из самых эффективных инструментов коммуникативной грамматики является четырехкомпонентная модель анализа текста. Ступени конкретных языковых средств допредикативного уровня и коммуникативных регистров соединяются в этой модели со ступенями тактики и стратегии говорящего, таким образом в анализ и интерпретацию языковых данных вводится фактор, не учитывающийся обычно в экспериментальной когнитивистике.

Так, например, в исследовании Fausey and Boroditsky⁸ сравнивалось запоминание англоязычными и испаноязычными монолингвами того, кто был виноват в случайных событиях (происшествиях). В английском языке случайные события (“несчастные случаи”) чаще описываются в агентивной конструкции, в испанском – в неагентивной. То есть в английском языке говорящий указывает субъект действия, выраженного глаголом (*She broke the vase*), в испанском – говорящий не включает имя исполнителя действия в конструкцию (*The vase broke*). Гипотеза эксперимента состояла в том, что англоязычные участники будут и запоминать субъекта действия лучше. Эксперимент действительно показал, что после просмотра видеороликов таких событий англоязычные участники эксперимента чаще описывали эти ситуации, используя агентивные конструкции, и лучше запоминали агенса. Если с точки зрения экспериментальной когнитивистики для русского языка тоже было бы интересно выяснить влияние преобладающего способа описания таких ситуаций на запоминание (относительно других языков), то с точки зрения коммуникативной грамматики нас бы интересовала тактика и стратегия выбора говорящим конструкции *Кошка разбила вазу / Ваза разбилась; Девушка уронила чашку / Чашка упала (выпала у нее из рук)* в разных коммуникативных ситуациях.

В заключение следует подчеркнуть, что расширение экспериментальной базы коммуникативной грамматики, с одной стороны, и коммуникативно-грамматическое осмысление результатов лингвистических экспериментов – с другой, будут несомненно иметь результатом активизацию русистики как прикладной науки, способной решить актуальные проблемы современной мультимедийной и поликультурной коммуникации.

Sidorova M. Yu.

Communicative grammar of the Russian language and world experimental cognitive science: prospects of interaction

The communicative grammar of Russian was based by G.A. Zolotova mainly on texts of fiction. Today this concept needs to be checked and developed with involvement of utterances describing real, non-fictional denotative situations. The article investigates the opportunity of applying methods of experimental cognitive science for this goal. On the other hand, the communicative grammar takes into account the speaker as the organising center of an utterance and uses such notions as the speaker's tactics and strategy, which opens ways for deeper interpretation of results of primarily cognitive-focused experiments.

Ключевые слова: the Russian language, communicative grammar, reproductive register, linguistic experiment, the figure of speaker

¹ Золотова Г.А., Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982. С. 24-25

² Там же. С. 26.

³ *Slobin D.* Thinking for speaking // J. Aske, N. Beery, L. Michaelis, & H. Filip (eds.), Papers from the 13th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society. Berkeley, 1987. *Slobin D.* Two ways to travel: Verbs of motion in English and Spanish // M. Shibatani and S. A. Thompson (eds.), Grammatical Constructions: Their Form and Meaning. Oxford, 1996. *Slobin D.* From "Thought and Language" to "Thinking for Speaking" // John Joseph Gumperz und Stephen C. Levinson (Hgg.): Rethinking Linguistic Relativity. Cambridge, 1996. *Slobin D.* Verbalized Events: A Dynamic Approach to Linguistic Relativity and Determinism // R. Dirven und S. Niemeier (Hgg.): Evidence for Linguistic Relativity. Amsterdam; Philadelphia, 2000. *Slobin D.* Language and Thought Online: Cognitive Consequences of Linguistic Relativity // D. Gentner und S. Goldin- Meadow (Hgg.): Language in Mind: Advances in the Study of Language and Thought. Cambridge, 2003. *Stutterheim Ch.* Linguistic Structure and Information Organisation: The Case of Very Advanced Learners // EUROSLA Yearbook, 3, 2003. *Stutterheim Ch., Carroll M.* The Impact of Grammatical Temporal Categories on Ultimate Attainment in L2 Learning // H. Byrnes; H. Weger-Guntharp und K. Sprang (Hgg.): Educating for Advanced Foreign Language Capacities. Washington, 2006. *Stutterheim Ch., Carroll M., Klein W.* New Perspectives in Analyzing Aspectual Distinctions Across Languages // W. Klein und P. Li (Hgg.): The Expression of Time. Berlin, 2003. *Stutterheim Ch., Carroll M., Flecken M., Schmiédtova B.* How Grammaticalized Concepts Shape Event Conceptualization in Language Production: Insights from Linguistic Analyses, Eye Tracking Data, and Memory Performance // Linguistics, 5 (40), 2012.

⁴ *Bosse, S. & Papafragou, A.* Spatial position in language and visual memory: A cross-linguistic comparison. Proceedings from the 32nd Annual Meeting of the Cognitive Science Society. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 2010. <http://papafragou.psych.udel.edu/papers/Spatial%20position.pdf>

⁵ Там же.

⁶ *Loftus, E.F., & Palmer, J.C.* Reconstruction of automobile destruction. Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior, 13, 1974. Pp. 585-589. *Billman, D. & Krych, M.* Path and manner verbs in action: effects of "skipping" or "exiting" on event memory. Proceedings from the 20th Annual Conference of the Cognitive Science Society. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1998. *Billman, D., Swilley, A. & Krych, M.* Path and manner priming: verb production and event recognition. Proceedings from the 22nd Annual Conference of the Cognitive Science Society. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 2000. *Papafragou, A., Massey, C. & Gleitman, L.* Shake, rattle, 'n' roll: The representation of motion in language and cognition. Cognition 84, 2002. Pp. 189-219. *Feist, M. & Gentner, D.* Spatial language influences memory for spatial scenes. Memory & Cognition 35 (2), 2007. Pp. 283-296.

⁷ *Fausey, C.M., & Boroditsky, L.* Subtle linguistic cues influence perceived blame and financial liability. Psychonomic Bulletin & Review, 17 (5), 2010. Pp. 644-650. *Fausey, C.M., Boroditsky, L.* Who dunnit? Cross-linguistic differences in eyewitness memory. Psychonomic Bulletin & Review, 18 (1), 2011. Pp. 150-157.

⁸ Там же.